

Богословские досуги

θεολογία

σχολή

под редакцией

Алексея Бодрова и Ирины Языковой

Богословские досуги

«Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея»

2016

УДК 239
ББК 86.37

Богословские досуги / «Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея», 2016

ISBN 978-5-89647-345-9

Эта необычная книга сложилась из материалов, которые в разные годы были опубликованы в журнале ББИ «Страницы: богословие, культура, образование», в рубрике «Богословские досуги». Мы не претендуем на всестороннее исследование богословия юмора, хотя в сборнике вы найдете и исследовательские статьи. Собранные здесь разнообразные по жанру и форме материалы, которые были написаны по разным поводам, объединяет то, что к проблемам весьма серьезным и важным их авторы подходят с изрядным чувством юмора и иронии.

УДК 239
ББК 86.37

ISBN 978-5-89647-345-9

, 2016
© Библейско-богословский
институт святого апостола
Андрея, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
Библеистика	13
Предисловие	13
Глава 1. Мальчики при вавилонском дворе	14
Глава 2. Колосс на глиняных ногах	18
Глава 3. Пещное действо	25
Глава 5. Валтасаров пир	32
Богословие	38
Проблемы современной церкви	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Богословские досуги

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея

* * *

Мауриц Корнелиус Эшер. «Рептилии». Литография, 1943.

Всегда варварство, когда наука кому-то кажется или становится безразличной. Каким же сверхварварством было бы, если бы богословие могло показаться или стать кому-то безразличным? Богословом можно быть лишь охотно, с радостью, в противоположном же случае им, по существу, стать вообще невозможно. Мрачные лица, угрюмые мысли, скучные и пустые фразы не могут быть терпимы именно в этой науке.
Ганс Урс фон Бальтазар

Предисловие

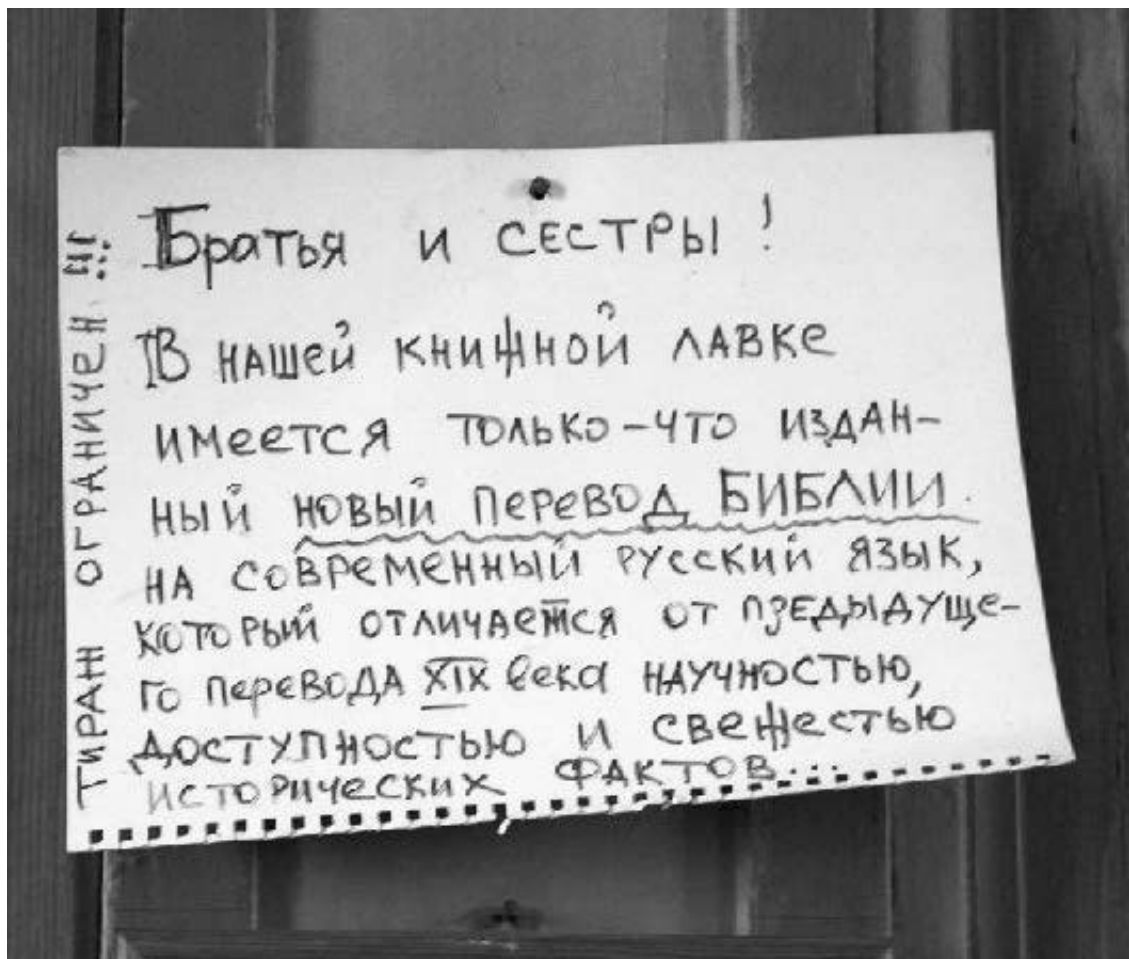
Сборник «Богословские досуги» сложился из материалов, которые в разные годы были опубликованы в журнале ББИ «Страницы: богословие, культура, образование», в рубрике с тем же названием. Мы сохранили и общий стиль журнала – здесь представлены практически все его серьезные рубрики, цитата, открывающая каждый номер, и молитва, его завершающая. Нет здесь, правда, самой рубрики «Богословские досуги» – по понятным причинам: в этом «выпуске журнала» в нее следовало бы поместить совершенно серьезный, академически скучный материал, и на это у нас не хватило духа.

Почему мы сейчас решили выпустить этот «специальный номер журнала»? В 2015 году ББИ отмечает свой четвертьвековой юбилей, и свою юбилейную конференцию мы назвали «Богословие растерянности: пути академического богословия на постсоветском пространстве». Тема, конечно, очень серьезная (вспомним хотя бы постоянную растерянность апостолов при общении с Иисусом! Растерянность есть условие уязвимости, а это – условие возможного прорыва вперед) и местами грустная, но она предполагает и юмористический взгляд на наше прошлое и настоящее. Юмор помогает разобраться там, где серьезный академический анализ может дать сбой. Юмор – не просто хорошее настроение, которое помогает выживать в трудных ситуациях, он помогает увидеть многие проблемы со стороны в 3D режиме, да что там – попросту глубже понять себя и наш мир, когда, кажется, понять уже ничего не возможно.

Может быть, еще важнее то, что юмор часто помогает выразить наболевшую проблему и тем самым способствует ее широкому обсуждению. Взять хотя бы «Декларацию ревнителей великой Схизмы» (см. ниже в рубрике «Диалог») и сопутствующие ей материалы – сколько мы получили возмущенных писем и звонков от людей, которые восприняли ее серьезно! И мы были рады, что проблема христианского единства перешла из разряда геополитических проблем в категорию повседневных реалий, которые волнуют и околоцерковных людей, и людей, давно и глубоко укорененных в православии (между прочим, мы с большим вниманием отнеслись к появлению нового тренда православной самоидентификации – селфи с мощами, который заслуживает серьезного внимания социологов религии, см. фото ниже). А статья Александра Закуренько о первом историческом указании на жителей Руси (в связи с происхождением самого ББИ) подвигла некоторых энтузиастов на поиски цитированных материалов в солидных академических архивах...

К 25-летнему юбилею ББИ мы сделали еще одну чрезвычайно серьезную вещь — издали Библию в современном русском переводе, над которым 22 года работала межконфессиональная команда специалистов из Института перевода Библии в Заокском. И как мы были рады увидеть столь теплый его прием в некоторых церковных лавках!

Одним из редакторов нового перевода Библии была Евгения Смагина, чья захватывающая находка, возможно, древнейшего комментария на Книгу Даниила открывает этот сборник, да и новую страницу современной библеистики.

Издательская программа ББИ, а попросту – изданные нами свыше 300 книг, известна гораздо больше, чем сам ББИ. Нас это радует, мы знаем, что специалисты, преподаватели и студенты всех наличествующих в России и ее окрестностях христианских конфессий активно используют их в своей научной или образовательной работе. Но какая радость была Гансу Кюнгю, одному из известнейших богословов современности (и нашему попечителю!), узнать, что его фундаментальный труд «Церковь» пользуется популярностью у самого широкого круга читателей в России!

Но шутки в сторону: наши досуги все-таки богословские. Насколько «царица наук» совместима с юмором? Здесь неизбежно вспоминается «Имя Розы» Умберто Эко (это ведь тоже и наш автор – его переписка с кардиналом Мартини, «Диалог о вере и неверии», стала одним из наших бестселлеров). Там дело закончилось пожаром. И тем не менее, роль юмора подчеркивали и подчеркивают, пожалуй, все ведущие богословы. Богословие вовсе не исключает юмора, напротив, богослов без чувства юмора – плохой богослов. Ганс Урс фон Бальтазар, великий католический богослов, писал: «Мрачные лица, угрюмые мысли, скучные и пустые фразы не могут быть терпимы именно в этой науке [богословии]». Несколько лет назад ББИ издал маленькую книжку мыслей и рассуждений его близкого друга Карла Барта, великого протестантского богослова, под названием «Мгновения», и одно из «мгновений» там – юмор (эпиграфом Барт взял слова из Лк 6:21: «... ибо воссмеетесь»). Он пишет:

Юмор возникает тогда, когда мы с особой отчетливостью чувствуем двойственность нашей природы: как дети Божьи мы принадлежим вечности; как люди мы живем и действуем во времени. Юмор выносит за скобки всю серьезность настоящего; юмор появляется в борьбе с серьезностью настоящего. Но в этой борьбе мы – дети Божьи – не можем всегда оставаться серьезными. Будущее, уготованное нам Богом, проявляется улыбкой – улыбкой грустной, улыбкой сквозь слезы; веселостью, с которой мы должны принимать серьезное и грустное настоящее – то, что находится в скобках. Эта улыбка, эта веселость – они несут в себе будущее.¹

Важно заметить, что мудрости и серьезности противостоят вовсе не юмор и ирония, а глупость и пошлость, которые часто не способны с улыбкой посмотреть на мир и на самое себя. Достоевский в романе «Подросток» замечает:

¹ Карл Барт, *Мгновения*, М.: ББИ, 2006, с. 14–15. Только не подумайте, что мы ограничились маленькой книжкой маститого богослова, – его эпохальное *Послание к Римлянам*, *многотомная Церковная догматика* и многие другие крупные книги также фигурируют в нашем Издательском каталоге!

Веселость человека – это самая выдающаяся черта человека, с ногами и руками. Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони. Только с самым высшим и самым счастливым развитием человек умеет веселиться общициельно, то есць неотиразио и добродушино.

Человеку присущ юмор, самоирония. Это и отличает его от животных. Юмор – это некая рефлексия и отстранение, позволяющие увидеть все как бы перевернутым с ног на голову, и тогда фальшь просто осыпается, ей не на чем держаться. Честертон писал, что именно так однажды увидел мир св. Франциск, жонглер Божий, встав на голову и убедившись, что мир подвешен в пространстве и держится только милостью Божьей. Честертон подчеркивал отличие юмора от сатиры:

С юмором в отличие от сатиры ассоциируется некая старая традиция, атмосфера эксцентричности, всегда нарочитой и нередко бессознательной. В этой атмосфере постоянно ощущается попытка посмеяться не столько над своим окружением, сколько над самим собой. Юмор предполагает признание собственной слабости, тогда как сатира скорее демонстрация недюжинных сил интеллекта, пусть и на ничтожном материале. Сатира – разум, который вершит суд, и, даже если приговор такого суда не смущает обвиняемых, непоколебимость и бесстрастность судьбы от этого ничуть не страдают. Юмор, напротив, предполагает шаткое, нескладное положение самого юмориста, который первый терпит от тягот и неурядиц жизни.

Отец Александр Мень говорил, что юмор – высший дар человеку, из всех живых существ юмор чувствует только человек, только человеку дано видеть себя смешным и это отчасти божественный взгляд на себя. Он заметил, что абсолют юмора – Бог, в божественном юморе, в отличие от человеческого, отсутствует пошлость, а Сатана – абсолют пошлости (см. с. 77).

Мы не претендуем на всестороннее исследование богословия юмора, хотя в сборнике вы найдете и исследовательские статьи. Мы собрали все эти материалы, такие разные по форме и жанру, чтобы просто напомнить, что в мире есть чему радоваться, над чем смеяться, о чем шутить. Тем более что сборник выходит к 25-летию ББИ. А разве это не повод для радости? Да и вообще, мы вполне согласны с Честертоном, который считал юмор и иронию признаками душевного здоровья.

Алексей Бодров и Ирина Языкова в лето 25-летия ББИ (на досуге)

Введение

Может быть, смех – один из последних пережитков свободной воли.

Гилберт Кейт Честертон, «Смех»

*Учитель Ли сидел над желтой рекой.
Бабочки Ду и Ша висели над волнами,
в которые смотрел учитель Ли.
Ученик За заплакал оттого,
что учитель и река одни,
бабочек две, крыльев у них четыре,
жизнь конечна, как эти слезы,
а радость бесконечна,
как раздающийся над желтыми волнами
смех ветра.*

«Жизнь и поучения учителя Ли, записанные его учеником За»

Нет ничего более печального, чем рассуждение о том, чего ты не умеешь делать. Но печаль эта рождена не от бессилия, а от незнания. Можно научиться быть кем-то, но нельзя познать кого-то. Этот разрыв между возможностью быть и пониманием бытия может свести с ума.

Разрыв заполняли в разные времена различными способами. Воевали, жгли на кострах, шли на костры, изобретали эликсиры бессмертия и космолеты, таблетки от боли и пробирки для зачатия гомункулов.

Но разрыв становился все большим, поскольку, чем больше прикладываешь усилий, чтобы зашить расползающуюся материю, тем быстрее она расползается.

А что бытие, которое ускользает, издевается, молчит? И что Тот, кто пребывает в бытии как всегда сущий?

Смеется, ужасается, безмолвствует?

Если смех – это форма защиты от непонимания смысла жизни, то чем он отличается от сеанса психоанализа? Если это то, что отличает человека от животных, то кто объяснит мне, почему моя собака улыбалась, когда я шутил? Если смех – это реакция рецепторов на колебания воздуха, то почему юмористические передачи по телевидению так колеблют воздух, что люди чувствительные рыдают от несовершенства человека и мудрости животных, отказавшихся от юмористических концертов.

Честертон связал смех со свободой. Я бы уточнил: смеяться может любой человек, но свободный может увидеть разницу между смехом и реакцией организма на несовершенство мира.

Смех никуда не направлен, он есть сам своя цель и радость. А организм пытается освободиться от того, что мешает ему, и творит смех как форму общения с другими.

Смех сам по себе Другой, качество его – Радость, появление смысла там, где его не ждали, не случайно Гоголь услышал смех даже в мире мертвых.

Мы пребываем внутри отрезка: от полной несвободы до полной свободы. Но сами концы недостижимы. Если бы мы стали полностью несвободными, то стали бы вещами. А полная свобода – это Христос. Жизнь – колебательное движение внутри отрезка от полюса

к полюсу. От Христа – к вещи. От вещи – к Спасителю. Смех – волны, вызванные этими колебаниями. От ужасного смеха – в сторону несвободы, до светлого – в сторону свободы.

Следует признать, что любая книга о неуловимом – проигрыш. Но сам процесс достаточно смешон, чтобы стать собственной темой. Размышления о смехе тоже смешны, но если о нем не размышлять, грустно. Что особо радует, авторы внутри книги не спорят, пытаясь доказать верность именно своего понимания смеха. Они просто вспоминают, сколько в мире радости как атрибута смеха, и смеются, вспоминая. И вот еще одно качество смеха – его связь с личностью. Смех одного человека не похож на смех другого.

Смех Соловьева пугал демоническим, смех Гоголя вызывал омерзение и жалость, смех Достоевского был саркастичен, смех Честертона по-английски мягок и точен.

Конечно, прав Бахтин, придавая смеховому началу культурную основу. И Аристотель, считающий смех достоянием лишь человека.

Но все же. Смех тогда смех, когда он внутри личности, а личность внутри смеха.

И наша книжка немного о том, как можно в мире безличного сохранять личность, смеясь над общим.

Александр Закуренько

Библеистика Евгения Смагина Про Данилу-мудреца, удалого молодца²

Предисловие

При раскопках еврейского поселения в Северной Месопотамии археологи обнаружили хорошо сохранившийся папирус с арамейской рукописью, датирующейся примерно II веком до н. э. После реставрации и прочтения оказалось, что текст представляет собой доселе неизвестный комментарий на Книгу Даниила.

Обращают на себя внимание многочисленные текстовые параллели и аллюзии на известный исторический труд Л. Филатова «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца».

Публикуем русский перевод. Читателю предлагаем заглядывать в соответствующие места книги Даниила.

Евгения Смагина

² См. *Страницы*, 9 (2004), с. 127–138.

Глава 1. Мальчики при вавилонском дворе

Военачальник Вавилонян

(еврейским мальчикам)

Поздравляю! Ваш отряд
нынче прибыл в стольный град;
принял вас в семью народов
вавилонский Старший брат.
Вы отныне, пацаны,
при дворе расти должны,
чтоб от вас в конечном счете
вышла польза для страны.

Государь, забыв про месть,
вам оказывает честь:
царское вино и пищу
назначает пить и есть.

Старший евнух Ашпеназ
все исполнит сей же час.
Он немножечко обрезан
значит, тоже вроде вас.

Анания

Если мы в чужом краю
в общую войдем семью –
где гарантия, что повар
не подложит нам свинью?

Азария

Вдруг в тарелке что не так –
краб или, простите, рак?
Значит, я любую гадость
лопать должен, как дурак?

Мисаил

Не хватайтесь за бокал!
Вдруг какой-нибудь Баал
из одной бутылки с нами
вина царские хлебал?

Даниил

Чем нас нынче угостят –

антрекотом из котят?
Мы садимся на диету,
остальные как хотят.

Мальчик-реалист

А подсмотрит царский шпик
да и спросит напрямик: –
«Почему, сопляк еврейский,
ты не кушал сало шпиг?
Не пришелся ко дворцу –
отошлем назад к отцу,
кислым молоком верблюжьим
запивать свою мацу.

Будешь, голый и босой,
мыться утренней росой –
поделом тебе! Не брезгуй
нашей царской колбасой!»

Чтоб от бед в чужом краю
оградить свою семью,
хоть со всеми их богами
я поллитру разопью.

Мальчик-оптимист

Мой родитель хоть и князь.
тоже рухнул мордой в грязь,
Будет рад моей карьере,
коль своя не удалась.

Прочь салат и кочаны!
Чтобы выбиться в чины,
съем хоть десять фунтов разом
самой жирной ветчины.

Сам грызи свою морковь!
Я за царскую любовь
даже зайца есть согласен
и хлебать свиную кровь.

Мальчик-пессимист

Дело, братцы, не в вине,
а в проигранной войне.
Что рыдать о царской пище,
если мы сидим в... плену?

Мне в позоре и в тоске,
на Евфрате на реке
все едино – съем хоть краба
в материнском молоке.

Даниил
(евнуху Ашпеназу)

Дядя евнух Ашпеназ!
Ты не пичкай мясом нас.
Дай хоть жареной картошки
или просто ананас.

И зачем нам алкоголь?
От него в суставах боль.
Дай кефиру нам без жиру
или воду пить позволь.

Ашпеназ

Или вам толстеть нельзя?
Я вас, юные друзья,
не на подиум готовлю.
а в халдейские князья.

Плохо судишь о вещах!
На воде и овощах
станешь ты через неделю
тощий, бледный и в прыщах.

Подведет вас царь к весам
и воскликнет: «Стыд и срам!
Ты свиные отбивные,
несомненно, слопал сам!

Все мальчишки этих лет
выросли с моих котлет –
почему вон те четыре
отощали, как скелет?

Обокрал детей и рад,
злонамеренный кастрат?
Вся страна и так страдает
от хищений и растрат».

Я за чин высокий свой
отдал признак половой –
не хочу за вашу стройность
поплатиться головой.

Даниил

Дай нам сроку десять дней –
будет самому видней,
кто с какого рациона
станет мельче и бледней.

По прошествии десяти дней

Ашпеназ

(осматривает Даниила и его друзей)

Не худеют – вот те на!
То-то царская жена
хоть и ест один салатик,
не становится стройна.
Значит, все наоборот?
Значит, медицина врет,
и активней всех худеют
те, кто жрет невпоровот?

А когда еды в обрез,
станет брюхо до небес.
Съем-ка я еще котлетку –
может, скину лишний вес?

Глава 2. Колосс на глиняных ногах

Стража ведет арестованных вавилонских мудрецов. Среди них Даниил и его друзья.

Звездочет

Только глянул я с крыльца
на созвездие Стрельца –
а меня берут и тащат,
словно рыбу на живца!

Знахарь

В чем, скажите, я неправ?
Что за ущемление прав?
По газону я прошелся,
чтоб набрать целебных трав!

Заклинатель

Вы, надеюсь, не всерьез?
Где ваш ордер на допрос?
Вовсе я не матерился,
а заклятье произнес!

Прорицатель

Все, коллеги, нам хана.
Нет, не зря мне у окна
виделась богиня смерти –
я-то думал, с бодуна.

Книжник

Что ты хмур, как арестант?
Может, царь за наш талант
увеличит нам зарплату
иль какой подкинет грант?

Прорицатель

Брось напрасные мечты!
От царя получишь ты
не зарплату, а расплату,
и не гранты, а кранты.

Даниил

(начальнику стражи Ариоху)

Почему нам, Ариох,
от царя такой подвох?
Иль мы разом поглупели,
иль научный метод плох?

Ариох

Наш, конкретно, властелин
видел стрёмный сон один,
а вместо толкованья
получил, в натуре, блин.

Весь ученый Вавилон
распевает в унисон:
«Истолкуем в лучшем виде,
расскажи нам только сон!»
Царь им: «Если расскажу,
будет ясно и ежу.
Этак всякий растолкует.
На фиг я вас содержу?»
Так что, господа волхвы,
под топор пойдете вы.
Кто у нас такой безмозглый,
будет и без головы.

Даниил (друзьям)

Где разгадка, знатоки?
Боремся не за очки,
а чтоб всей науке нашей
не остаться без башки.

Анания

Что он видел, ясно мне.
Глянь на идолов в окне!
На такого раз посмотришь –
будешь видеть год во сне.

Азария

Нрав у старика крутой,
только вкус неразвитой.
Спорю я на что угодно:
этот идол – золотой!

Мисаил

Вспомни лучше о казне:
денег там на самом дне.
Золота на все не хватит,
но на голову – вполне.

Анания

Что там было вместо ног?

Азария

Царь в скульптуре не знаток.
Он и глиняные ножки
идолу приделать мог.

Мисаил

Напоследок изреки,
что с ним было?

Даниил

Пустяки!
Что всегда у нас бывает?
Развалился на куски.
Что ж, приходится рискнуть.
Не дадим царю заснуть,
а не то ему приснится
и похуже что-нибудь.

Ариох! Все ясно нам,
я царю разгадку дам.
Кстати, мудрецов не надо.
Отпусти их! Справлюсь сам.

Ариох

Вот что значит зоркий взгляд.
Мудрецы! Вертайтесь назад.
Всем спасибо, все свободны,
надо будет – вас казнят.

Мудрецы (расходясь)

– Он из наших мудрых слов
не усвоил и основ.
– Ну, какой из недоучки
толкователь царских снов?
– Нет ни стажа, ни заслуг,

а туда же... Ну и жук!
– Явно метит в президенты
Академии наук.

Царь (*один*)

Я, клянуся бородой,
удручен такой бедой:
почему мой штат научный
занят всякой ерундой?

О лечении простуд
и добыче ценных руд
вовсе слушать не желаю –
пусть там все хоть перемрут.

О созвездьях и Луне
можете не знать, по мне,
но обязан каждый смыслить,
что увидел царь во сне!

Есть цари умней, дурей,
есть трусливей и храбрей,
но неважных для науки
нет и не было царей!

Все молчат, захлопнув пасть.
Так-то уважают власть!
Взять бы мудрецов получше –
у соседей, что ль, украсть.

Ариох (*вводит Даниила*)

Мудрецы со стороны
патриотам не нужны!
Вот мудрец конкретный очень,
с ним еще и друганы.

Всем халдеям нос утрут,
все загадки им – не труд!
Типа, Бог у них незримый,
но зато по жизни крут.

Царь

Если так – уверен будь,
выслужишь медаль на грудь!
(То ли дело наши боги:
всем видны, а толку чуть.)

(Рассматривает Даниила)

Что ж... по виду не прохвост.
Отвечай! Вопрос мой прост.
Дашь ответ – проси, что хочешь:
золота, высокий пост.

Даниил

Получить я был бы рад
пост высокий для ребят,
только вот... возвысь евреев –
все халдеи завопят.

Царь

Кто бы смел поднять базар,
как тебя... Белтешацар!
Выражаясь по-еврейски,
«я вам цар или не цар?»
Пусть молчат! Я, царь царей,
сам решаю, кто еврей...
Но сначала – толкованье.
Отвечай, да поскорей.
Что мне снилось?

Даниил

Сущий страх:
разодетый в пух и прах
идол из цветных металлов
и на глиняных ногах.

Царь

Ну допустим. А потом?

Даниил

Рухнул камень, грянул гром –
и распался на кусочки
весь цветной металлолом.

Царь

Это правильный ответ.
Расскажи мне, в чем секрет?
Вот про голову, к примеру,

растолкуешь или нет?

Даниил

Золотая голова?
Ясно мне, как дважды два:
кто забрался на верхушку,
тот имеет все права.

Если руки в серебре –
значит, те, кто при дворе,
хорошо погрели руки
на общественном добре.

У него живот, как медь?
Тоже ясно. Сам заметь:
кто набил потуже брюхо,
будет звонче всех греметь.
А что ноги не крепки –
помнишь, от твоей руки
Ассирийская держава
развалилась на куски?
Как бы ни был ты силен –
если ты поставил трон
на крови и беззаконьях,
распадется Вавилон.

Навуходоносор

Ты мне душу не трави,
что я правлю на крови
Выражаясь по-халдейски,
такова уж сә ля ви.

Был бы я хорош весьма,
да мешает жизнь сама.
Стану слишком милосердным –
скажут: царь сошел с ума.

Государю не прожить,
если царство не дрожит.
Что ж, мне есть одну лишь травку
и с козявками дружить?

Даниил

Вижу я, как наяву:
будь хоть равен божеству –
и с ума сойти придется,

и жевать одну траву.

Царь

Как же быть?

Даниил

Простись со злом,
идолов отправь на слом.
Кто не хочет кушать травку,
тот не должен быть козлом!

Глава 3. Пещное действо

1-й халдей

Вот пассаж! Ваятель наш
снова впал в культурный раж
и очередным твореньем
портит городской пейзаж.

Царь созвал всех важных лиц
из провинций и столиц,
и теперь пред этим кичем
нам придется падать ниц.

Глянь: фигура – явный брак,
даже ноги враскоряк.
А изволь пред ним валиться
кверху задом, словно рак!

2-й халдей

И откуда ты, халдей,
набрался таких идей?
Прям как будто не язычник,
а завзятый иудей.

Царь прикажет – кич не кич,
падай в ноги и не хнычь.
Позабыл, в каком мы царстве?
Тут тебе не Брайтон-бич.

Скажешь «нет» – один ответ:
кинут в печку, и привет.
Не зальешь огня снобизмом,
тоже мне, искусствовед!

Входят музыканты

Рожечник

Ездил, девки, я на Крит –
что за идол там стоит!
Наш пред ним
как пень дубовый,
хоть и золотом горит.

Арфистка

Дуй в рожок, пока трубит,
да молчи про остров Крит!
Наш ваятель там прилюдно
за свои творенья бит.

Придворный ваятель
(взбирается на трибуну)

Царь воздвиг нам идол сей
в строгом стиле, без затей,
скромненькую статуэтку
ростом в шестьдесят локтей.

Ради славы и добра
Вавилонского двора
прокричим пред сим твореньем
троекратное «ура»!

Играет музыка. Все кричат «ура» и падают ниц, кроме трех Отроков

Ваятель

Что же ты стоишь, Шадрох?
Видишь – все падут во прах.
Позабыл, еврейский умник,
с чем едят священный страх?

Анания

Отвяжись, Роден Огюст!
Лучше я в терновый куст
рухну мордой, чем под этот
двадцатиметровый бюст.

Ваятель

Что же ты молчишь, Мешах,
и застыл, как вечный шах?
Остальные от восторга
просто ходят на ушах.

Азария

Тут под твой бессмертный труд
на халяву пьют да жрут.
Больше делай презентаций –
вдвое громче заорут.

Ваятель

Не кривись, Авед-Него!
Что же, больше ничего
и ваять теперь негоже,
кроме Бога твоего?

Мисаил

Бог наш тем и знаменит,
что Его никто не зрит,
и Ему твоей моделью
оказаться не грозит.

1-й халдей *(шепотом, продолжая лежать ниц)*

Что вы скажете? Еврей
оказался нас храбрей!
Я хоть не расист, но все же
обгонять меня не смей.

2-й халдей *(так же)*

Что ж, вопить средь бела дня –
царский идол, мол, фигня?
Не завистник я, но все же
гложет зависть и меня.

3-й халдей *(так же)*

Если ты у нас в чести,
так умей себя вести!
Не доносчик я, но все же
так и тянет донести.

Халдеи *(бегут к царю)*

Государь! Сколь сердцу мил
о этот золотой кумир,
и не зря под звуки лиры
перед ним склонился мир.
Не хотят одни жида
признавать твои труды.
Вон молчат Шадрах с Мешахом,
как набрали в рот воды.

Их дружок Авед-Него –
полюбуйся на него! –
тоже длинный нос воротит
от творений ближнего.

Погляди, как нас срамит
всякий мерзостный семит,
не считаясь с царской волей,
нам предерзостно хамит!

Если каждый умник-жид
будет жить, как сам решит,
нашей нации великой
угрожает геноцид!

Как же быть? Куды нам бечь?
Царь, защиту обеспечь
подданным твоим!.. А, кстати,
что ты говорил про печь?

Царь Навуходоносор
(трём Отрокам)

Слышь, ребята! Ропщет знать.
Хватит дурака валять.
Зря я, что ли, вас поставил
Вавилоном управлять?

Три отрока

Государь! Во всем ты прав,
но от таких забав
Бог велит нам воздержаться.
Прикажи – уплатим штраф.

Царь

Что?.. Мне как-то невдомек
Это, часом, не намек,
что в искусстве я невежда,
дилетант и демагог?
Есть цари умней, дурей,
есть трусливей и храбрей,
но несведущих в искусстве
нет и не было царей!

Перед чем впадать в экстаз,
будет царь решать за вас.
Что поставлю, то и славьте,
хоть бы даже унитаз.
А не то за вашу речь
всех троих велю упечь
не в тюрьму и не в ссылку,
а совсем буквально – в печь!

Поклонитесь!

Три отрока

Никогда!

Царь

Значит, в печку?

Три отрока

Значит, да!
Всем привет!
По крайней мере,
мы сгорим не от стыда.

(Стража ведет их в печь)

Несколько часов спустя

Царь *(вздыхает)*

Жаль ребят! Я к ним привык.
Кто тянул их за язык?
Бережешь, готовишь кадры,
а в итоге что? Шашлык!

Вбегают стражники

1-й стражник

Государь! Сдается мне,
не горят они в огне.
Вон расселись., свесив ножки,
на пылающем бревне.

2-й стражник

В довершение всех чудес
к ним четвертый кто-то влез.
Сверхъестественная личность,
божество! А может, бес.

Царь

Говорите, божество?
Вот, выходит, каково...

Между прочим, этот идол
в самом деле... не того...

Идет к печи

3-й стражник (*у печи*)

Ишь, тудыть их растудыть,
не сгорают, хочут жить.
Может, их копьем потыкать
или камушком добить?

Царь

Брось копье! Сверни пращу!
Я от страха трепещу!
Хватит, братцы! Вылезайте,
возвращайтесь, все прощу!

Анания (*из печи*)

Надоел нам твой дворец!
Нас и здесь хранит Творец.
Очень миленькая печка –
эй, солдат, подкинь дровец!

Азария

Царь, пожалуй на обед
отдохнуть от всех сует!
Здесь тепло, светло и сухо
и бездарных статуй нет.

Мисаил

Погостил бы тут денек,
пообедал, спать прилег.
Видишь, к нам знакомый ангел
заглянул на огонек.

Царь

Все прощу и все пойму!
Ко двору опять возьму!
Бога вашего порочить
не позволю никому!
Упраздню дурацкий культ!
Печь взорву – подать мне пульт!
Вылезайте!! Вы хотите,

чтоб царя хватил insult?!

(Три отрока выходят)

Уф! Гора свалилась с плеч...
Подданные! Слушай речь!
Идола велю расплавить –
кстати, пригодится печь.

Бросьте сплетни и грызню,
я евреев не виню.
Бога их нельзя порочить!
(То есть можно, но казню.)

Снять с них обвиненья груз,
извиниться за конфуз.
наградить за стойкость в вере
и художественный вкус.

Всех халдеев-стукачей
бросить в руки палачей,
а ваятеля направить
на строительство печей!

Глава 5. Валтасаров пир

Пиршественный зал. Пьяные придворные спят. Вбегает гонец

Гонец

Караул! Афронт, разгром!
Персы рвутся напролом!
Где же царь? На поле боя?

Придворные

Царь-то?.. Здесь он, под столом.

Царь Валтасар (*выползает из-под стола*)

Это кто с утра орет?

Гонец

Царь! Во-первых, полночь бьет.
Во-вторых, вооружайся:
неприятель у ворот.

Валтасар

Ты, гонец, чего шумишь?
Здесь у нас покой и тишь.
Разве что деревья гнутся
да еще шумит камыш.

Только сел за дело – глядь
отвлекают нас опять!
Не дают спокойно выпить,
то есть это... заседать.

Есть дела страшной войны
и важней пустой казны:
мы тут в ходе заседания
перебили стаканы.

Уберите этот хлам,
принесите рюмки нам
те, что мне привез папаша,
разорив еврейский Храм!

Слуги приносят сосуды иерусалимского Храма и разливают в них вино

Придворные (*мнутся*)

Неудобно... все же храм...

Валтасар

Испугались? Стыд и срам!
Мы ведь их не переплавим,
Просто выпьем по сто грамм.
Под прикрытием пирогов
пью во здравье всех богов!
Вот сейчас опохмелимся –
И прогоним всех врагов.

Пьют из храмовых сосудов. На стене появляются слова: «Мене, текел, фарес»

Валтасар

Что за надпись на стене?
Кто прочесть поможет мне?

Придворные

– Может быть, меню на завтра?
Нет, написано «мене».
– Что за «текел» и «фарес»?

Не слышал таких словес.
– Есть тут в зале переводчик?
Нужен просто позарез.

Входит царица-мать

Валтасар

Попрошу придворных встать!
К нам явилась пировать
наша старая хрычовка...
то есть царственная мать.
Отчего у вас, маман,
взор печален, как туман?
Может, пенсию прибавить,
иль у вас опять роман?

Царица (*ехидно*)

Добрый вечер! Ты, сынок,
от трудов не изнемог?
И придворные туда же –

в полном смысле сбились с ног.
Тут и войско, и генштаб.
Пред лицом врага хотя б
вам о чем другом подумать
кроме выпивки и баб!
Позабыли о войне,
тонут по уши в вине
и похабное чего-то
написали на стене!

Валтасар

Написали, да не мы.
Письмена для нас немы,
хоть и бьются над прочтеньем
наши лучшие умы.
Государственный совет
годен только жрать обед.
Живоглотов в свите много,
полиглотов нет как нет.

Царица

Нынче разве мудрецы?
Скудоумные юнцы!
Таковы ли раньше были
Ваши деды и отцы?

Помню, правил твой отец –
жил тут бравый молодец.
Ах, красивый был мужчина...
то есть праведный мудрец!

Если б чуть короче нос...

Валтасар

Как зовут его?

Царица (*задумывается*)

Вопрос.
При дворе Белтешаццаром,
а по-ихнему... склероз!

Валтасар

Как?... Ага, сообразил.
Чтоб немедля призван был

ко двору премудрый Белте...
Шалте... словом, Даниил!

Пир продолжается. Входит Даниил

Валтасар (*указывая на надпись*)

Объясни мне сей фантазм.
Что молчишь? От страха спазм?
Или грамоты не знаешь?
Или вовсе впал в маразм?

Даниил

Правда, государь, твоя.
Отвечаю не тая:
кое-кто из нас в маразме,
только вряд ли это я.
Или вам себя не жаль?
Ты еще свинью поджарь
да используй вместо блюда
Моисееву скрижаль.
Надпись на стене дворца –
это приговор Творца:
Ты и взвешен, и подсчитан
и измерен до конца!

Валтасар

Как – измерен? Может, чтоб
обновить мне гардероб?

Даниил

Нет, увы! По этой мерке
выйдет разве только гроб.

*Входит персидское войско во главе с царем.
Вавилоняне разбегаются. Персидский царь садится на трон*

Персидский царь

Наших армий контингент
занял все в один момент.
Выражаясь по-персидски,
вышел полный хэппи-энд.

Придворные
(*сбегают к трону*)

Ты велик и знаменит,
Дарий наш Ахеменид!
Много ли погибло в свите?
Может, это... заменить?

Царь

Да на кой вы мне сдались?
Р-р-разойдись от трона! Брысь!
У меня обжор придворных
и своих-то завались.

Сотворил бы между дел
я из вас мишень для стрел,
да стрелять по пьяным рожам
Заратуштра не велел.

Одного я тут видал –
хоть и стар, зато удал!
Объясни, мудрец Данила,
как ты надпись разгадал?

Даниил

Коль владыке все равно,
править или пить вино –
что Господь на это скажет?
Угадать немудрено.

Царь

Вот как?.. В этом есть резон.
Будешь в штат мой занесен.
Остальные расходитесь.
Кончить ПЬЯНКУ! Не сезон.

Придворные

Он колдун, обманщик, плут!
Он еврей – у нас их бьют!
Все евреи против власти,
потому что мало пьют!

Царь

Ка-ак? Яв-рей?..
Я, царь царей,
не встречал таких зверей,

ну а если попадутся.
сам решу я, кто еврей.

Даниил

Царь! На кой тебе такой
старый дедушка с клюкой?
Пусть послужат молодые,
мне бы лучше на покой.

Царь

Что покой? Мираж и миф.
Шевелись, покуда жив;
а покой нам только снится,
как писал известный скиф.
Возвращайся во дворец,
будешь главный мой мудрец.
Мудрость – и при персах мудрость.

Тут и сказочке конец!

Богословие Карл Барт Юмор³

...Ибо воссмеется.
Евангелие от Луки 6:21

Если у человека есть чувство юмора, значит, душа его не заснула, не застыла; она живет и находится в движении. Юмор возникает тогда, когда мы с особой отчетливостью чувствуем двойственность нашей природы: как дети Божьи мы принадлежим вечности; как люди мы живем и действуем во времени. Юмор выносит за скобки всю серьезность настоящего; юмор появляется в борьбе с серьезностью настоящего. Но в этой борьбе мы – дети Божьи – не можем всегда оставаться серьезными. Будущее, уготованное нам Богом, проявляется улыбкой – улыбкой грустной, улыбкой сквозь слезы; веселостью, с которой мы должны принимать серьезное и грустное настоящее – то, что находится в скобках. Эта улыбка, эта веселость – они несут в себе будущее. Поэтому настоящий юмор отличается от ненастоящего именно тем, что в начале его находятся знание и страдание. Мы внезапно видим скобки, в которых сами и находимся, – так начинается юмор; поэтому вполне естественно прежде всего обращать юмор на самих себя и только потом – на других. Тогда и только тогда в нашем юморе не будет яда и желчи, но будет утешение и освобождение, даже если мы обратим его на других. Только тот, кто от души посмеялся над самим собой, имеет право смеяться над другими; а тот, кто искренне смеялся, когда смеялись над ним, выдержал последний, самый трудный экзамен. На этом экзамене с позором проваливаются многие из тех, кто с гордостью называли себя юмористами.

³ Карл Барт, *Мгновения*, М.: ББИ, 2006, с. 14–15.

**Проблемы современной церкви
Святейшему Синоду Русской Православной
церкви от Вальсамонова братства⁴
*Рекомендация по введению
новых дисциплинарных мер***

Занимаясь в течение ряда лет историко-каноническими изысканиями в целях дальнейшей разработки новых правил церковной дисциплины, а также придания уже действующим канонам и просто церковным обычаям большей эффективности, члены нашего братства, носящего имя величайшего византийского канониста Феодора Вальсамона, патриарха Антиохийского, сделали немало достойных внимания работ. При всей своей необычности они, бесспорно, сохраняют верность отеческому преданию и отвечают вкусам традиционного благочестия. Частью этих работ мы заблагорассудили поделиться незамедлительно со священноначалием Русской Православной Церкви, усматривая возможную их пользу в нынешней непростой ситуации, когда своеволие и непослушание со стороны многих клириков принимает массовый характер и превышает допустимую меру. Посему смиренно предлагаем их милостивейшему рассмотрению Святейшего синода.

Не секрет, что нехватка клириков и опасность лишить большое число верующих их архипастырей и пастырей не позволяют широко применять к провинившимся архиереям и иереям столь естественно диктуемые каноническим правом меры, как извержение из сана или даже временное запрещение в священнослужении. Однако возможны и иные способы наказания клириков, не отнимающие у верных церковных чад пастырского окормления и тем не менее побуждающие клирика не только живее ощутить свою вину, но и указать пастве на недостатки ее пастыря, а также укрепить ее уверенность в бдительности священноначалия.

⁴ См. *Страницы*, 3 (1998), с. 148–149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.